

Анна Кресеvина

Замуж кто-то за кого-то

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К77

Красевина А.

К77 Замуж кто-то за кого-то / Анна Красевина. – М.: Литнет, 2026. – 194 с.

ISBN 978-5-521-93903-9

Однажды, проснувшись, я поняла, что ничего не помню: ни кто я такая, ни где я сейчас... И что это за странное пушистое существо наблюдает за мной, похожее то ли на кота, то ли на собаку, да еще и с большими прозрачными крыльями? А самое удивительное, что это несуразное создание умеет говорить! Нет, самое удивительное даже не это. Куда удивительней то, что я от него узнала: накануне мне признался в любви... принц.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93903-9

© Литнет, 2026

© Красевина А., 2026

Глава 1

Я открыла глаза и поняла, что я... Нет, не так. Я ничего не поняла. Даже того, кто я такая. В тот момент я даже не понимала, кто я «такая» или кто я «такой». Быстро приподняла одеяло и выяснила: все же «такая». Это мне почему-то принесло некоторое облегчение. А еще я поняла, что знаю, что такое одеяло. И даже сумела сделать вывод, что если лежу под ним, то я не какая-то бездомная нищенка, а... Тут мой разум снова дал сбой. Все-таки я могла быть и бездомной, ведь где именно я нахожусь, я тоже не знала. Но вполне могла это выяснить, потому что... я пошевелила руками, ногами, покрутила головой... да, я вполне могла двигать частями тела и это не доставляло мне неудобств или боли. То есть я скорее всего не находилась сейчас на смертном одре и не была жертвой какого-нибудь трагического инцидента. Впрочем, с учетом того, что я ничего не помнила, жертвой чего-то такого я все же наверняка являлась, но пострадала не физически, а тронулась моей несчастной головешкой. Подумав об этом, я невольно коснулась ее рукой. Провела по волосам – они были весьма длинными, почти до груди, и – о! – красивого золотого оттенка. Златовласка, блин.

«Интересно, а я красивая?» – было моей следующей мыслью. «И сколько мне лет?» Я повертела перед собой руками – кожа на них была гладкой, а вот ногти совсем без маникюра, коротко подстриженными. Эх, посмотреться бы в зеркало! Я села в постели и огляделась. Ого! Это точно не было больничной палатой – не имелось даже намека на медицинское оборудование. Стоп!.. Намека на что тут не имелось?.. Что такое это самое оборудование, о котором мне подумалось?.. Я напрягла опустевшие мозги, но это ни к чему не привело, странное слово отскакивало бесполезным эхом от стенок черепной коробки. Ну да ладно. Куда интересней мне стало очевидным то, что находилась я уж точно не в казенном заведении. Спальня

выглядела так, словно ее убранство скопировали из музея, рассказывающий о быте какой-нибудь графской семьи века так примерно восемнадцатого... Ой!.. Я снова в задумчивости нахмурилась. Что значит: восемнадцатый век? Ведь век – это... вроде бы, сто лет?... Но почему этих сто лет должно быть восемнадцать или еще сколько-то? Несуразица какая-то. Моя голова точно очень сильно пострадала. Мало того что ничего не помнит, так еще и придумывает какой-то бред.

Между прочим, зеркало на одной из красиво драпированных стен я все-таки увидела – овальное, большое, в узорной золоченой раме. Я решительно сбросила с себя одеяло, слезла с высоченной кровати и пошла знакомиться с собой, любимой. По крайней мере узнать, сильно ли я дурна собой.

Я была не дурна собой. Я была просто дурой. В том смысле, что ничего не знала, не понимала, не помнила. Зато и впрямь оказалась ничего себе внешне. Да что там, я была даже очень ничего – аж сама залюбовалась. Рост мне свой сравнить было не с чем, но я точно была стройной, длинноногой, фигуристой, практически 90–60–90, хотя я понятия не имела, что значили эти всплывшие в голове цифры. Волосы, как я уже сказала, были у меня длинные и золотистые, кожа нежной – может, лишь чуточку бледной, глаза большие, чудесного зеленоватого оттенка, носик аккуратный, губки пухлые, красиво очерченные... В общем, эту модельной внешности красотку я определенно видела впервые. Потому что если бы видела раньше – уж точно запомнила бы. С учетом, что видела бы я ее в зеркале ежедневно раз по триста в течение, пожалуй что... э-э... как минимум двадцати лет. И как максимум двадцати трех – так я визуально оценила свой возраст. Да, одета я сейчас была в длинную светло-сиреневую ночнушку, и уже собиралась ее снять, чтобы точнее оценить скрытые ею прелести, но к счастью, не успела этого сделать. Потому что услышала вдруг скептическое:

– Му-ух!.. Нынче ты определенно на себя не похожа.

Я аж подпрыгнула. И стала озиаться в поисках того, кто это произнес. Голос был странный – вроде бы мужской, но в то же время тонкий – я бы сказала, детский, если бы он не был непонятно скрипучим, словно у старика. В итоге я не обнаружила в спальне ни старца, ни ребенка, ни мужчины. Зато увидела на массивном, заставленном ларцами, вазами и прочей антикварной дребеденью белого как снег кота, которого приняла вначале за мохнатую подушку. Впрочем, нет... Это был не кот. Это было пушистое нечто с почти кошачьим телом, но с вытянутой, более похожей на собачью мордой и длинным, тонким, словно белая веревочка хвостом. Надо пояснить, что я понятия не имела, кто такие собаки и кошки, но такие вот ассоциации у меня в голове промелькнули. Белое мохнатое чудо пристально смотрело на меня умными, зелеными почти как у меня глазами.

– Это ты сказал? – вырвалось у меня вслед за нервным смешком.

– Но ведь здесь никого больше нет, – лениво повела остроухой головой псевдоподушка. – Или ты, или я, одно из двух. Ты это говорила?

– Нет, – пришлось признаться мне.

– Значит, это сделал я.

– А разве ты... ну-у... умеешь?.. – сглотнула я, с ужасом подумав о том, что состояние моей головы куда хуже, чем я полагала.

– Му-ух... Не зря я отметил, что нынче ты на себя не похожа. У тебя очень глупое выражение лица и вдобавок ты очень не смешно шутишь.

– Я не шучу. Просто я... Просто я неважно себя сегодня чувствую. Не знаешь, я не падала ночью с кровати головой об пол? – вновь вырвался у меня нервный смешок. – Ты не поверишь, но я ничего не помню. А с учетом, что животные, тем более такие несуразные, разговаривать и понимать человеческую речь не могут в принципе, мне ничуть не стыдно тебе в этом признаться. И вообще, я, пожалуй, еще немного посплю и проснусь уже окончательно...

– Несуразный?! – подскочил и завис в воздухе мой пушистый собеседник. – Это я несуразный?

Только теперь я увидела над его спиной трепещущие прозрачные крылья – почти стрекозиные, знать бы еще, что значит это слово.

– Да, – ответила я и действительно направилась к кровати, в надежде, что мне все это и впрямь только снится. – Потому что таких животных, как ты, не бывает, и потому еще, что никакие животные разговаривать не умеют.

– Му-ух!!! – пролетел через спальню и плюхнулся на кровать передо мной говорливый пушистик. – Мне показалось, что ты сейчас вовсе не шутишь.

– Не шучу, – встала я, не дойдя двух шагов до кровати. – Ты мне действительно всего лишь привиделся. Во сне. Ну или в бреду, что, конечно, хуже, но...

– Погоди, – мотнуло головой существо. – Я сейчас не про себя. Я про тебя. Ты что, на самом деле ничего не помнишь? Так вот почему у тебя вокруг головы все желтое...

– Это волосы, – сказала я. – Слезь, пожалуйста, с кровати, я лягу.

– Нет. Тебе нельзя ложиться. Сейчас придет служанка, и если увидит, что ты в таком состоянии, поднимет шум на весь дом. Я даже представить не могу, что тогда начнется!

Пушистик взлетел и принялся нарезать над кроватью круги. Его крылья при этом тревожно жужжали. Затем он снова плюхнулся на смятое одеяло и произнес более спокойно:

– Желтое – это не волосы. То есть волосы у тебя тоже желтые, но я не про них. Мы, кэдаусы, можем видеть умственную оболочку человека. Не так отчетливо, как, к примеру, делэлусы, но все-таки. Обычно эта оболочка состоит из разных цветов. А у тебя она сегодня просто желтая. Даже скорее белая, с легкой желтизной. Такая, знаешь ли, незамутненно...

– ...пустая?.. – закончила за него я. Но обижаться не стала, он все сказал верно. Вот только и он сам был всего лишь болезненным

порождением этой пустой желтизны. Или все-таки... Я задумчиво свела брови: – Как ты сказал, тебя зовут? Котаус?

– Му-ух! – подпрыгнул говорун. – Не котаус, а кэдаус! И это не имя, а наименование моего вида. Ты что, даже не помнишь, как сама же меня и назвала?

– Нет, – мотнула я головой. – Прости.

– Вот теперь я точно поверил, что с памятью у тебя дела плохи. Ведь мы же с тобой лучшие друзья! Ты звала меня Кеддерфливвэккер. Правда не помнишь?

– Не помню. Но это и хорошо, я бы все равно не выговорила. И если это имя дала тебе я, можно я его слегка изменю?

– Му-ух... – недовольно вздохнул пушистик. – Ну разве что только слегка.

– Тогда я буду звать тебя... Да что тут думать? Я буду звать тебя Мух.

– И это называется слегка?! – взвился к потолку кэдаус.

– Конечно. Три буквы куда легче, чем... сколько их там было?..

Мух снова плюхнулся на кровать, сокрушенно качая белой остроухой головой. И тогда я задала очень важный вопрос:

– А как зовут меня?

– Ну все... – трагическим тоном произнес кэдаус и округлил и без того большущие зеленые глаза: – Дело куда хуже, чем я думал. Ты не помнишь вообще ни-че-го?

– Так в том-то вся и беда! – вскинула я руки. – Ни-че-го. Ни капельки!

– Кроме того, что меня не бывает, и что я не умею разговаривать, – буркнул Мух.

– Ну да. Потому что животные в принципе не умеют...

– Все животные у-ме-ют разговаривать, – отчетливо выговорил кэдаус, глядя мне прямо в глаза. – И всегда умели. Ты не просто ничего не помнишь, но вместо этого начинаешь выдумывать несуразности. Наверное, заполняешь этим образовавшуюся в голове

пустоту. Му-ух! Лучше так не делай. Особенно при посторонних. Придется мне все время быть с тобой рядом и подсказывать, как и что говорить и как себя вести. Я, конечно, не особо большой знаток человеческих отношений, но уж лучше ты будешь молотить нормальные глупости, чем нести несусветную чушь. Так что моя голова теперь и твоя тоже. По крайней мере пока к тебе не вернется память.

– А она вернется? – пробормотала я.

– Не знаю, – сказал Мух. – Я ведь не целитель. Я даже не человек. Впрочем, потерявших память кэдаусов я тоже не встречал.

– Но почему я ее потеряла?! – воскликнула я. – Когда я ложилась спать, я была нормальной?

– Да, но... – Кэдаус задумался вдруг, а потом снова взлетел к потолку: – Ночью была сильнейшая гроза, а вчера произошло важное событие в твоей жизни!

– При чем здесь гроза, и насколько важным было событие?

– Гроза при том, что молнии сверкали не переставая, а от звуков грома тряслись стекла, ты могла напугаться...

– До такой степени, что поехала крышей? – обиделась я, но взяла себя в руки. – А что за событие? Надеюсь, меня не замуж кто-нибудь позвал? Вот будет прикольно: пойдет замуж кто-то за кого-то. Ни себя, ни жениха не помня. Хотя зачем тут что-то помнить? Пусть и без памяти, зато все остальное при мне. Правда, Мух? Ах да, ты же не по нашей части!

Но кэдаус не принял моей шутки и торжественно произнес:

– Тебе признался в любви принц.

– Ага! – фыркнула я. – А зовут меня в таком случае Золушкой.

– Ты все-таки помнишь... – свалился на пол изумленный Мух.

– Что?! Я Золушка?!

– Почти, – нервно отряхнулся кэдаус. – Золла.

Глава 2

Вот даже как. Оказывается, меня зовут Золла. Не сказать, что совсем уж полный зашквар, но что это вообще за имя такое? И самое гадкое, что я его совершенно не помнила! Впрочем, как и всего остального. То, что иногда проскакивало в голове, не приносило никакой видимой пользы, да и было, скорее всего, бредовыми конвульсиями моего поврежденного разума. Какие-то кошки с собаками, восемнадцатый век, медицинское оборудование... Такую несуразицу даже во сне увидеть трудно. Впрочем, то, что мне признался в любви принц, тоже звучало нелепо. Бредовой любого сна. И я уточнила:

– Я туфлю у этого принца теряла?

– Какую туфлю? – округлил глазищи Мух.

– Хрустальную, какую еще-то, – сказала я и задумалась: чего это я вдруг? Какая еще и в самом деле туфля? Почему хрустальная? Это же очень неудобно и непрактично для носки! Мою голову нужно срочно спасать! Знать бы еще, как... Нет, сначала нужно успокоить обалдевшего кэдауса. И я поспешно сказала: – Не бери в голову, это я так пытаюсь шутить.

– Му-ух!... – покрутил тот головой. – Я тебе уже говорил, что ты очень несмешно шутишь. Не надо меня пугать, я и так уже чрезвычайно напуган твоим состоянием.

– Не обещаю, но буду стараться, – честно сказала я. – Но все-таки поясни насчет принца. Кто такой, откуда взялся, с какого перепугу признался мне в любви?

– Он-то пока еще не с перепугу, – начал отвечать с конца Мух. – Ты тогда еще себя помнила и всяческую чушь не городила. Во всяком случае куда меньше, чем сейчас.

– Ну, спасибо, – буркнула я, собираясь обидеться, но передумала: – Ладно, рассказывай о принце!

– А чего рассказывать? Принц как принц. Я в человеческих коронованных особах не очень разбираюсь, да и неинтересно мне это.

– Не-не-не! – запротестовала я. – Мне нужны подробности! Может, так я быстрее все вспомню. И потом, мне-то это как раз интересно. Расскажи хотя бы, какой он из себя, как его зовут?

– Му-ух... – вздохнул кэдаус и задумчиво закатил глаза. – Из себя он... э-ээ... человек. Самец...

– Я сейчас тебя стукну! – шагнула я к кровати.

Мух стремительно взлетел и сказал из-под потолка:

– За что? За правду? Вот давай пойдем и проверим. И если принц окажется самкой, тогда...

– Ты сказал «пойдем»? – заинтересовалась я. – То есть он живет где-то поблизости?

– Если уж на то пошло, все мы живем поблизости, в одном пузыре.

Насчет пузыря я не поняла, но решительно прервала философствования Муха:

– Прекрати издеваться. У меня и так с головой проблема, сам ведь знаешь. Говори конкретно и четко.

– Ладно, прости, – вновь опустился на кровать кэдаус. – Принц живет в королевском замке. Замок расположен в нашей столице, славном городе Лозоро.

– А мы где расположены? – засопела я, начиная сердиться.

– Му-ух! Я никак не привыкну, что ты ничего не помнишь!.. Мы тоже расположены в славном городе Лозоро, так что да – даже очень поблизости от принца. Или он от нас. Зависит от того, с какой стороны смотреть.

– Не вдавайся в такие подробности. Лучше ответь: он принц, потому что сын королевы?

– Почему королевы? – знаком вопроса загнул кэдаус свой тонкий хвостик. – Короля. Королева скончалась два года назад. Хотя да, он и ее сын тоже. Но как бы уже... бывший сын. Не знаю, как у вас, у людей, правильно называются все эти отношения после смерти.